

ПЕТР ПРОСКУРИН с первых своих шагов в литературе брался за решение трудных тем. И вот снова он отважился исследовать одну из самых сложных проблем искусства — проблему таланта, проблему вечного противостояния истинно прекрасного посредственности, бескрылости, ремесленничеству.

Персонаж повести П. Проскурина «Черные птицы» композитор Александр Евгеньевич Воробьев говорит: «Способных много. Призванных единицы».

Он — из числа способных. И достиг всего, к чему упорно стремился: общественного положения, власти, материального благополучия, славы. Но это не принесло ему ни счастья, ни полноты бытия, ибо то, «ради чего стоило родиться и жить, так и не пришло... вершина так же недоступна и манит...».

Вершина — это музыка его «заклятого друга» Глеба Шубникова. Глеб в искусстве — человек «призванный». Не будь его, Александр Евгеньевич скорее всего прожил бы «нормальную, здоровую, счастливую жизнь, в счастливом неведении сочинял бы свою музыку». Но и через сорок лет после его гибели — Шубников не вернулся с войны — в Воробьеве продолжает звучать та, в декабре 41-го подслушанная у дверей Глебовой квартиры, музыка. Это был «удар, ожог, ослепление», он готов был «плакать от наслаждения, зависти, от бессилия».

К художественному произведению можно подходить с разных сторон: разобрать его с точки зрения сюжета, композиции, использования языковых средств; говорить о типичности или нетипичности изображенных ситуаций, характеров. Но как бы мастерски ни было все сцеплено, пригнано, достоинство произведения в целом определяет художественная идея, ее воплощение.

...Умирает Тамара Иннокентьевна, одинокая женщина, несостоявшаяся певица... В окна комнаты, где вершится заключительный акт ее жизненной драмы, бьетась метельная, в асплохах дельная, в асплохах грозы ночь. Это ночь подведения итогов, внезапных открытий, окончательных выводов. Чем ближе подступает «не подлежащая переменам вечность», тем стремительнее раскручивается влеса ленты времени. В вихревом мельничном возникновении, растворяются и вновь возникают эпизоды, однажды уже сыгранные в «долгой несостоявшейся жизни», всплывают лица, бережно хранящие память, и другие, назалось, напротив вычеркнутые из нее... Прошлое, настоящее слились воедино, существуют в нерасторжимой связи друг с другом: в местах их пересечения вспыхивают протубе-

ранцы беспощадно обнажившейся истины.

«...Утверждаешь, что ты не больна?» — спрашивает Тамару Иннокентьевну невеста откуда азиатский здесь в глухой полуночный час Александр Евгеньевич. «Это не болезнь... Совершенно другое», — отзывается она, не очень поначалу доверяя видению, но удивляясь «фатальной настойчивости судьбы, ставившей этого человека рядом с ней в самые тяжелые, непереносимые минуты».

Действительно, Тамара Иннокентьевна умирает не от болезни, а от НЕЖИЗНИ, начавшейся в такую же вьюжную, за сорок лет до нынешней, ночь прощания с уходящим на фронт Глебом, ибо с его гибелью уже «ничто не имело смысла...».

Но та ночь стала поворотной и в судьбе Александра Евгеньевича: молодой Саня

ходимая для создания максималистской ситуации условность, только фон и средство доказательства определенной авторской идеи. Да и коллизия классического треугольника понадобилась автору лишь как инструмент в проводимом художественном исследовании. И, конечно, при всей сложности ее характера не Тамара Иннокентьевна выступает объектом исследования. На исследовательском столе он, Александр Евгеньевич Воробьев, слышащий бальном судьбы репектабельный неудачник. Исследование проводится методом тщательно подготовленного эксперимента с заранее заложенной в него возможностью

ИСТОРИЯ ПУСТОЙ ДУШИ

Воробьев, терзаемый ревностью, побежденный красотой чувства тех двоих, музыкой Глеба, Саня, вычеркнутый из их жизни (разве любви и таланту нужен третий лишней?), дает клятву «доказывать... что я существую. Пустой для этого понадобилось бы взорвать земной шар».

Действие развивается в двух планах: внешнем (Тамара Иннокентьевна — Александр Евгеньевич) и глубинном (Саня Воробьев — Глеб Шубников). Обе линии связаны множеством разнообразных проблемных нитей (проблемы личности и общества, искусства, долга, памяти и т. д.) в единый узел — талант человечности, осуществления себя.

Кульминация — момент выбора, когда декларируемое Воробьевым слово должно вылиться в поступок.

Если внешнее течение повести нарочито замедлено, если история взаимоотношений двоих Глеба с Воробьевым разворачивается в ярких, отягощенных подробностями картинах, то во внутренней перспективе динамика совсем иная. Все решается в миг действия, вынужденного свершиться в обстоятельствах, не оставляющих времени для выбора: или — или.

Поступок Воробьева — кража из еще неостывших рук женщины листка с записью вожделенной музыки — последнее звено в возведенном Проскуриным художественном здании повести.

Бесспорно, каждый, кто примется за повесть, прочтет ее по-своему. Но для меня, например, совершенно очевидно, что смерть Тамары Иннокентьевны — главное событие и стержень сюжета — всего-навсего необ-

вариантного поведения. Оттого в читательском восприятии отношение к Воробьеву неоднократно меняется, что совсем не удивительно. Он и в реальной жизни легко исполняет чужие роли, лепит удобный, выгодный в данной ситуации облик, затрудняющий возможность скорого разоблачения. Эта примечательная особенность воробьевых строго соблюдена в рисунке характера Александра Евгеньевича: порой он попросту жалок, порой вызывает подобие некоего сочувствия, а моментами — чувство острой гадливости. В финальных же страницах произведения он страшен и смешон одновременно. Страшен — как любой подражатель, как сила, умеющая плодить еще более ничтожные свои подобия.

Но разве не смешно читать, когда в старческой, склеротической аличности своей он мнит, что, украв нотную запись, пришил саму душу бессмертного искусства? Ибо что такое музыка Глеба, как не душа искусства, не идеал, мечта о прекрасном, не символ высшего служения человечеству? И фантастичность ситуации, в которой становится возможным единственно справедливое возмездие («Глеб... легко провел ладонью по нотам... Все... нигде не было ни малейшего знака»), только подчеркивает реальность истины: лишь тому открылось волшебная дверь в мир гармонии, красоты, света, кто несет свет в себе самом.

Что же написал Проскурин — драму зависти? Но зависть — порождение не богатой, а пустой души. В «Черных пти-

цах» представлена как раз история пустой души, трагедия которой в том и состоит, что она пуста, а значит, неспособна быть плодотворной. Так что к каким бы способам доказательства своего «Я существую!» ни прибегал Воробьев, это будет себя отрицающее доказательство: ведь по закону бесконечной, в своем необозримом богатстве развивающейся жизни в ней нет и не может быть места для стремящейся «все разять и разединить» пустоты. Неотвратимость ее поражения в этом поединке так же справедлива, как справедлив оптимистический финал повести: безумный старик, бормочущий: «Вспомню, все запишу... сам!» — исчезает в метели, да так, что вышедшим его людям в пору сомневаться в его материальности.

Повесть написана художником, умеющим воссоздать человеческую душу, передать зыбкие, переменчивые оттенки ее состояния.

Не могу, однако, не высказать одну, возникшую при чтении попутную мысль. В повести есть сцена, когда Тамара Иннокентьевна вспоминает о своих переживаниях на авторском концерте Воробьева. Читатель, подготовленный всем ходом повествования к соответствующему восприятию, вдруг с детским недоумением обнаруживает, что в суверенное пространство внутреннего мира героини проник некий Демьян Андреевич Солоницын. И не только проник, но действует уже как самостоятельная величина. Он сидит в ложе концертного зала, смотрит на Тамару Иннокентьевну, со стороны оценивает ее, Воробьева, самого себя. Что и говорить, монолог Солоницына крайне любопытен. Но в структуре такой повести он невозможен, ибо это слово, не высказанное вслух, потаенное, а следовательно, не слышимое Тамарой Иннокентьевной. Подобные несовпадения — результат волевого авторского вмешательства — просматриваются и в других местах.

Все это как бы отпечатки прежнего письма в осваиваемой Проскуриным новой для него изобразительной манере.

Особенность повести по отношению ко всему, созданному им за два десятилетия жизни в литературе, позволяет думать, что автор «Судьбы», «Имени твоего...» открывает новую страницу своей творческой биографии.

В. ПОМАЗНЁВА

Петр Проскурин. «Черные птицы». Повесть. Журнал «Огонек», № 11—16, 1981.